

единоличным трудом одного автора и, по красоте и поэтичности, может быть поставлена наряду с «Песней о Нибелунгах» или с «Песней о Роланде». В ней излагается действительное событие, случившееся в 1185 году. Игорь, князь киевский, выступает со своей дружиной против половцев, которые занимали степи юго-западной России и постоянно нападали на русские поселения. На пути через степи князя встречают мрачные предвещения: солнце омрачается и бросает тень на княжескую дружину; звери предостерегают его, но Игорь не обращает на это внимания, — поход продолжается. Наконец его дружина встречает половцев, и начинается великая битва.

Описание битвы, в которой вся природа принимает участие, — орлы, и волки, и лисицы, которые лают на красные щиты русских воинов, — поистине замечательно. Войско Игоря разбито.

«С утра до вечера, с вечера до света летят стрелы каленые, звучат сабли о шеломы, трещат копыя булатные, в поле незнаемом, среди земли половецкой. Черная земля под копытами косями была посеяна, а кровью полита: возросла на ней беда для земли русской. Что мне шумит, что мне звенит рано перед зарею? Игорь полки поворачивает: жаль бо ему милого брата Всеволода. Билися день, билися другой: на третий день к полудню пали знамена Игоревы. Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы. Недостало тут вина кровавого; тут и кончили пир храбрые русичи: сватов попоили, да и сами легли на землю русскую. Поникла трава от жалости, и дерево к земле преклонилось от печали». (Перевод Белинского. Сочинения. Изд. Венгеров, т. VI.)

Вслед за тем идет один из лучших образчиков древней русской поэзии — плач Ярославны, жены Игоря, которая ожидает его возвращения в Путивле. (Передаю его в том же переводе Белинского.)

«Ярославнин голос раздастся рано поутру:

«Полечу я по Дунаю зегзицею, омочу бобровый рукав в Каяле-реке, отру князю кровавые раны на жестком теле его!»

Ярославна рано плачет в Путивле на городской стене: «О ветер, о ветер! зачем, господине, так сильно веешь? Зачем на своих легких крыльях мчишь ханские стрелы на воинов моей лады? Или мало для тебя гор, чтобы вейть под облаками, лелеючи корабли на синем море? Зачем, господине, развеял ты мое веселие по ковыль-траве?»

Ярославна рано плачет в Путивле на городской стене: «О Днепре пресловутый! ты пробил каменные горы сквозь землю половецкую, ты лелеял на себе лады Святославы до стану кобякова: взлелей же, господине, мою ладу ко мне, чтобы не слала я к нему по утрам слез моих на море».

Ярославна рано плачет в Путивле на городской стене: «Светлое и пресветлое солнце! всем и красно и тепло ты: зачем, господине, простер горячий луч свой на воинов моей лады, в безводном поле жаждою луки им сопряг, печалию им колчаны затянул?»

Этот небольшой отрывок может дать некоторое понятие об общем характере и поэтических красотах «Слова о полку Игореве»².

Несомненно, эта поэма не была единственной, и, помимо нее, в те времена, вероятно, составлялись и распевались многие подобные же поэмы героического характера. Во введении к поэме действительно упоминается о бардах, особенно об одном из них, Баяне, песни которого сравниваются с ветром, несущимся по вершинам деревьев. Много таких Баянов, вероятно, ходили по русской земле и пели подобные «Слова» во время пиров князей и их дружин. К несчастью, лишь одна из этих поэм дошла до нас. Русская церковь безжалостно запрещала — особенно в XV, XVI и XVII столетиях — пение эпических песен, имевших распространение в народных массах; она считала их «языческими» и налагала суровые наказания на бардов и вообще всех, поющих старые песни. Вследствие этого до нас дошли лишь небольшие отрывки этой ранней народной поэзии.

Но даже эти немногие остатки прошлого оказали сильное влияние на русскую литературу, с тех пор, как она получила возможность заниматься другими сюжетами, кроме чисто религиозных. Если русская версификация приняла ритмическую форму, вместо силлабической, это объясняется тем, что на русских поэтов оказала влияние ритмическая форма народных песен. Кроме того, вплоть до недавнего времени народные песни являлись такой важной чертой русской деревенской жизни — как в домах помещиков, так и в избах крестьян, — что они неизбежно должны были оказать глубокое влияние

² Английские читатели найдут полный перевод этой поэмы в работе профессора Л. Винера “Anthology of Russian Literature from the Earliest Period to the Present Time”, изданной в 2-х томах в 1902 году фирмой Putham & Sons в Нью-Йорке. Профессор Винер превосходно знаком с русской литературой и сделал очень удачную выборку наиболее характерных мест из произведений русских писателей, начиная с древнейшего периода (911 г.) и кончая нашими современниками, Горьким и Мережковским.